

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

САМОРОДОК

Документальная драма

Действующие лица:

Сергей Есенин — поэт**Александр Никитич Есенин** — отец поэта**Татьяна Фёдоровна Есенина** — мать поэта**Анна Изряднова** — гражданская жена поэта**Иван Дмитриевич Сытин** — книгоиздатель**Николай Сытин** — сын книгоиздателя**Зинаида Райх** — гражданская жена поэта**Сергей Городецкий** — поэт, друг Есенина**Екатерина Есенина** — сестра поэта**Айседора Дункан** — танцовщица, гражданская жена поэта**Софья Толстая** — последняя жена поэта

Военврач призывного пункта, работники типографии, поэты...

Действие I. ПОМОЩНИК КОРРЕКТОРА

Сцена 1

Москва. 1913 год. Улица Пятницкая, издательство Сытина.

Перед входом в издательство, в накинутом пальто, стоит Николай Сытин.

Из двери выходит его отец, в пальто и шляпе.

Сытин. А ты чего тут торчишь? На весну любишь, что ли? В типографии всё идёт, как по маслу, надеюсь?**Николай.** Не волнуйся, папа, дело движется как надо... Я просто жду одного человечка, вернее, того парня, о котором говорил тебе давеча.**Сытин.** Этого молодого стихотворца? Я даже и не слышал о нём.**Николай.** Ну, да. Рязанского поэта Есенина.**Сытин.** Он хочет у нас издаваться, что ли?**Николай.** Нет, папа. Он ищет работу.**Сытин** (*усмехаясь*). Сынок, у нас в штате нет поэтов! И, думаю, появятся нескоро. Не до того нынче!**Николай** (*озабоченно*). Он ищет любую работу, папенька! В Москве ведь без заработка не прожить. А он уже полгода живёт без копейки... (*С надеждой смотрит на отца*). Надеюсь, ты ему не откажешь?**Сытин** (*после раздумья*). Ну, ладно... Возьмём чернорабочим, в экспедиции всегда нужны грузчики. Парень, надеюсь, крепкий? Силёнок у него хватит?**Николай** (*уверенно*). Как не хватить? Деревенская, чай, закваска...**Сытин** (*с удивлением*). Как деревенская? Ты же говорил, что он из Рязани?**Николай** (*оправдываясь*). Не из самой Рязани, он родился в большом селе Константинове... А вот и он! (*Машет рукой*).*Появляется Есенин, в лёгком, распахнутом пальто, в галстук и шляпе.**Сытин озадаченно качает головой. Есенин подходит, раскланивается.***Есенин.** Добрый день, господа! Погода стоит отличная, ведро прямо...**Николай.** Познакомься, папенька: рязанский поэт Сергей Александрович Есенин.**Сытин** (*протягивает руку*). Московский издатель Иван Дмитриевич Сытин.**Есенин** (*пожимает руку*). Очень рад знакомству. Вся Россия знает о вас! А книги вашего издательства доходят в самые далёкие, глухие уголки отечества, по себе знаю.**Сытин** (*удовлетворённо кивает*). Благодарю вас, молодой человек! (*Пауза*). Прошу покорнейше извинить меня — вы где-то учитесь или уже закончили курс?**Есенин** (*скромно*). Я закончил церковно-учительскую школу в селе Спас-Клепики.

С ы т и н. А где печатались? Ведь вы — поэт...

Е с е н и н. Пока нигде. Ни строчки. Но написал много, даже целые поэмы...

С ы т и н (*подумав, сыну*). Коля, отведи господина Есенина в корректорскую, к Аннушке Изрядновой. Ей давно требовался помощник.

Н и к о л а й (*охотно*). Хорошо, папенька. (*Есенину*). Пойдёмте, Сергей.

Они расходятся. Издательство. Комната корректора. За столом с кипой бумаг сидит молодая женщина, в белой блузке и тёмной юбке. Читает корректуру, сверяется с рукописным текстом, что-то тут же правит, макая в чернильницу перо, вздыхает и качает головой. Входят Н. Сытин и Есенин, оба без пальто.

Н и к о л а й. Добрый день, Анна Романовна!

А н н а (*поднимает голову*). Здравствуйте, Николай Иванович!

Н и к о л а й. Позвольте представить вам нашего нового сотрудника. (*Показывает на спутника*). Есенин Сергей Александрович.

А н н а (*с улыбкой*). Очень приятно, Сергей Александрович!

Е с е н и н (*улыбается в ответ*). Мне тоже очень приятно, Анна Романовна!

Н и к о л а й. Вы жаловались, что вам не хватает помощника. (*Кивает на спутника*). Вот вам в помощь молодой поэт!

А н н а (*пожимает плечами*). Простите, Николай Иванович, но поэт — это слишком! Мне нужен просто «подчичик». Я одна не успеваю.

Н и к о л а й. Сергей Александрович, вы умеете читать вслух?

Е с е н и н (*недоумённо*). Читать вслух? Что за вопрос? Ну, конечно, могу.

Н и к о л а й. Вот и отлично! (*Анне*). Тогда введите его в курс дела, дорогая. (*Кивает обоим*). Всё будет хорошо, я уверен. Желаю успеха! (*Выходит*).

А н н а. Садитесь поближе, Сергей Александрович.

Он берёт стул и подсаживается к столу.

А н н а (*кивает на кипу бумаг*). Берите, пожалуйста, рукопись и читайте вслух.

Е с е н и н. Которую?

А н н а. Ту, что лежит сверху. Что на ней написано?

Е с е н и н (*берёт стопку бумаг, читает*). Генрих Сенкевич. «Камо грядеши».

А н н а. Вот-вот. (*Берёт второй экземпляр*). Читайте, пожалуйста, текст.

Е с е н и н (*собирается с духом и читает*). Ждать пришлось недолго. Раздался пронзительный вой медных труб...

А н н а. Стоп! Погодите.

Е с е н и н (*встревожено*). Я читаю не то? Или не так?..

А н н а (*огобрительно*). Нет, читаете вы превосходно. Только не забывайте о знаках препинания...

Е с е н и н (*с удивлением*). Знаки препинания? Их тоже надо читать?..

А н н а. А как же? (*Показывает на лист у себя в руках*). Я же сверяю всё по своему экземпляру, каждый знак. Так положено.

Е с е н и н. Понял. Всё с начала?

А н н а. Ну да. А я буду сверять. (*Макает перо в чернильницу*).

Е с е н и н (*читает*). Ждать пришлось недолго. Точка. Раздался пронзительный вой медных труб. Точка. По этому знаку закричала железная решётка против ложи Цезаря, запятая, и на арену вырвался чудовищный германский тур, запятая (*голос тещи напрягся*), неся на голове нагое женское тело. Точка. (*Он неожиданно поперхнулся*).

А н н а (*оторвавшись от корректуры, взглянула на поэта*). Это роман о первых христианах, приносимых в жертву на гладиаторских играх в Риме...

Е с е н и н (*глухо*). Знаю. Читал.

А н н а. Вы читали роман Сенкевича?..

Е с е н и н. Нет. Я читал жития великомучеников. Со многими было такое же зверство. Пророка Елисея, к примеру, бросили ко львам, но Бог его спас.

А н н а (*спустя минуту*). А вы ведь поэт?..

Е с е н и н (*скромно*). Да. Сочиняю.

А н н а (*деликатно*). Может, вы что-нибудь прочтёте? Если это возможно, конечно. Я была бы рада услышать.

Е с е н и н (*собравшись с духом*). Ну, хорошо. Слушайте... (*Он неволью встаёт и, волнуясь, произносит*).

Ты пошла коня из горстей в поводу.

Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок.

Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй

С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня

*Услышав голос поэта, в дверь заглядывают сотрудники издательства.
Всё больше и больше. Среди них Н.Сытин. Есенин проникновенно читает:*

В пряже солнечных дней время выткало нить.
Мимо окон тебя понесли хоронить.
И под плач панихид, под кадилыный канон
Все мне чудился тихий раскованный звон

*Слушатели, к которым в последнюю минуту присоединился сам хозяин издательства
И.Сытин, поражаются искренними аплодисментами. Поэт благодарно склоняет
голову. Слушатели просят: «Ещё! Ещё!.. Замечательно!..» Есенин поднимает голову.*

Сытин. Господа! Вы всё-таки не на турнире поэтов! Наборщики и печатники без
дела стоят, а вы тут!.. Ну, куда это годится? (*Машет рукой*).

*Слушатели расходятся. Есенин мигом присаживается к столу,
берёт в руки текст. Анна макает перо...*

Сцена 2

Москва. Квартира Есениных. Поздний вечер. Александр Никитич зажигает
керосиновую лампу на столе, смотрит на «ходики», висящие на стене, крестится,
негромко шепчет молитву. Входит Сергей, в костюме, галстук и шляпе.

Отец. Ты опять чего-то припозднился! Неужто работы через край?
Есенин. Да вроде нет. Всё как обычно...

*Снимает шляпу, кладёт её на комод, развязывает галстук.
Отец внимательно следит за ним.*

Отец. Вот смотрю я на тебя, Серёга, — ходишь ты прямо франтом, в котелке и
галстухе... Это что за работа у тебя такая? Себе бы такую найти...

Есенин. Я же тебе говорил — в книжном издательстве Сытина... Книги там печатают
разные. На любой вкус. Сегодня, к примеру, Максим Горький заходил, рукопись
нового романа принёс.

Отец. Горький, говоришь? Ну, это который про босяков пишет?

Есенин. Ну да. (*Усмехается*). И не только про босяков, про купцов, фабрикантов,
помещиков. Он и песни пишет: о буреветнике, о соколе...

Отец (*уважительно*). Под гитару али под гармошку?

Есенин (*не понимает*). Что под гармошку?

Отец. Ну, песни эти самые... Под чего их поют-то? Я чего-то не слышал.

Есенин (*сергито*). Их не поют. Читают вслух прилюдно.

Отец (*качает головой*). Ну, коль не поют — тогда ничего они не стоят! (*Смотрит
на сына*). А ты чего там делаешь? Ты ведь тоже вроде сочиняешь...

Есенин (*садится возле стола*). Я там читаю. Корректуру разную.

Отец (*услышав мудреное слово, вздыхает*). Есть, поди-ка, хочешь? (*Кивает на
печь*). Там картошка с мясом, видать, уже простыла. Я тебя который час жду. Полночь,
вишь, на дворе. Вот так!..

Есенин. Спасибо, отец! Мы в трактире на Пятницкой поужинали.

Отец. Вы, говоришь? Это, должно, с новыми друзьями, небось?

Есенин (*сдержанно*). Нет, отец. С одной барышней. С корректоршей нашей.

Отец (*помолчав, щёлкает языком*). Ну, ты, Серёга, парень-хват! И тут не расте-
рялся. Деваха-то молодая, симпатичная?

Есенин. Да ничего себе. Учёная, умная, воспитанная.

Отец (*настойчиво*). Дворянка, поди-ка?

Есенин. Может, и дворянка. Но нынче это без разницы.

Отец (*не отступает*). Москвичка, видать. Квартира у них али дом свой?

Есенин. Батя, ты чего прицепился? Я ведь не собираюсь жениться на ней!

Отец. Кто знает. Парень ты молодой, девкам нравишься. Только к делу стоящему
никак не прибиёшься. А уж коли в Москве очутился — надо, сынок, о будущем думать!
Тебе ведь уже восемнадцать годов! (*Тычет себя в грудь*). Я вон который год в мясной
лавке торчу, а жена моя с дочками, твоя мать, по сию пору в деревне мается, сопли на
кулак мотает!.. Пора бы и честь знать!..

Есенин (*зевает*). Давай-ка, батя, спать. Утро, говорят, вечера мудренее.

Отец. Тебе на работу-то к восьми?

Есенин (*встаёт*). Ну да. К восьми. С утра будем с Анной новую книгу Горького
в печать готовить. (*Идёт в угол комнаты*).

О т е ц. Анной её зовут?

Он тоже встаёт, сын не отвечает.

Отец тушит лампу, и комната погружается во мрак.

Сцена 3

Москва. Лето. Аллея Нескучного сада. К одинокой скамье подходят Есенин и Анна.

Он в белой рубашке, брюках, полуботинках.

Она – в светлом, легком платье, чулках и туфлях.

Е с е н и н. Давай немного присядем. Вечер уж больно тихий, ласковый...

А н н а. Ты же знаешь, Серёжа, я не могу тебе отказать.

Они садятся. Близко друг к дружке. Со стороны доносится музыка духового оркестра. Есенин чутко прислушивается и через минуту озорно напевает:

Заиграй, играй, тальяночка, малиновы меха.

Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Анна вначале с удивлением смотрит на него, потом охотно слушает.

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.

Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор.

Твой платок, шьем украшенный, мелькнул за косогор.

Заиграй, играй, тальяночка, малиновы меха.

Пусть послушает красавица прибаски жениха

А н н а (*спустя минуту*). Ты знаешь, Серёжа, мне очень понравилось! Какой же ты молодец! (*Пожимает ему руку*). Тальянка – это что? Гармонь такая?

Е с е н и н (*довольно улыбаясь*). Ну конечно! И вся ладная такая, небольшая, звонкая, а меха горят, как жар! (*Лихим жестом накидывает себе на плечо воображаемый ремень и широко растягивает меха*).

А н н а. И ты на ней играешь? Вот не знала!

Е с е н и н. Ещё как! И на тальянке, и на ливенке. Жуть!

А н н а. А прибаски – это что?

Е с е н и н. Да как тебе сказать? Разные прибаутки, частушки, шутки – одним словом. (*Смеётся*). Вот послушай. (*Загорно напевает*). Моя милка, как бутылка, а я сам, как пузырёк... (*И вдруг умолкает*). Дальше не буду, это неприлично. Чистая похабщина там...

А н н а (*соглашается*). И не надо. Деревенская жизнь – вещь довольно грубая, я об этом знаю... (*Смотрит на него*). Но судя по тебе – этого не скажешь! Ты – человек очень тонкий и нежный. Удивительно даже...

Оба на некоторое время замолкают. Потом сплетаются руками, и Сергей умело привлекает к себе девушку. Обнимает и жарко целует её. Она не противится.

Сцена 4

Вечер. Квартира Есениных. Обильно накрытый большой стол, одетый скатертью, за ним – нарядные гости. В центре – Есенин и Анна. По всему видно, что это новобрачные, хотя на невесте нет подвенечного платья и фаты.

О т е ц (*сидящий справа от жениха, встаёт, держа в руке бокал*). Кхм-кхм... Вот Писание говорит: жёны, повинуйтесь своим мужьям, как самому Господу, ибо муж есть глава жены... (*Обращается к сыну*). Мужья, возлюбите своих жён, как Христос возлюбил церковь...

Е с е н и н (*иронично подхватывает*). А мужья должны любить своих жён, как свою плоть! Любящий свою жену любит самого себя... (*Кивает на невесту*). Мы же не в храме, папаша! Скажи чего-нибудь попроще, если можешь.

О т е ц (*смущённо кричит*). Ну, чего тут скажешь? Я даже не знаю... Совет вам, как говорится, да любовь! А что ещё?.. (*Поднимает бокал*).

Гости хором: «Горь-ко!..» Новобрачные встают и сливаются в поцелуе.

Гости: «Горь-ко! Горь-ко!..» Есенин и Анна подчиняются.

Отец сокрущённо качает головой и садится. Садятся и новобрачные.

О д и н и з г о с т е й (*после короткой паузы встаёт с бокалом в руке*). Дорогие новобрачные! Дорогие гости! Мы, труженики издательства Сытина, искренне рады тому, что в нашем дружном коллективе происходит это славное событие! Корректор Анна Изряднова выходит замуж за... (*Чуть запинаясь*). За поэта Сергея Есенина! И этот тост я поднимаю за здоровье молодых! За их счастливое будущее! Мир их дому!

*Гости хором: «За здоровье новобрачных! Горько!.. Горько!..»
Жених и невеста целуются сидя. Все гружно пьют.*

Другой гость (встаёт). Хочу заметить, господа, что это — не рядовое событие! *(Показывает на жениха).* Сергей пришёл к нам, как говорится, безусым юнцом и на наших глазах стал оперяться! Да ещё как! *(Оглядывает пирующих).* И очень жаль, что я не вижу здесь никого из Сытиных...

Есенин. Ну, как же? Николай обещал быть.

Гость (машет рукой). Да ладно. Обойдёмся без них. *(Молодым).* Ваше здоровье и счастье, дорогие! Ура!

Гости: «Ура! Горько!..» Молодые целуются. Кто-то из пирующих берёт в руки гармонь, бегло трогает пуговицы лагов. Гости встают из-за стола, девушки оправляют платье. Жених и невеста тоже поднимаются. Вдруг появляется Н.Сытин. Голос: «Николай Иваныч! Наконец-то! Как же без вас? Вы молодоцом!..»

Есенин. Скорей штрафную опоздавшему! Да пополей!

Отец жениха протягивает виновнику внушительный бокал.

Николай (кивает Есенину). За счастье новобрачных! *(Залпом пьёт и тут же восклицает).* Вы уж меня простите! Ну и дела! Век бы горя не видать!.. *(Садится, качая головой).* Ох, беда-беда какая на наши головы свалилась...

Кто-то из гостей. У кого эта беда? Извозчики, что ли, опять забастовали?

Николай (траурно). Эрцгерцога Фердинанда убили в Сараево! Жуть!..

Отец жениха. Где убили? В сарае? Дрова он там, колот, что ли?

Собравшиеся непонимающе переглядываются. Кое-кто мрачнеет.

Николай (сердито). Простите, но тут не до шуток, папаша! Это на Балканах, в Сербии, в городе Сараево. *(Переводит дух).* Наш государь уже объявил войну Австрии и Германии. Объявлена срочная мобилизация...

По комнате ползёт шепоток. Есенин и Анна озабочено переглядываются.

Отец (машет рукой). А наше дело маленькое! Не царское, мол... *(Улыбается испуганным гостям).* Свадьбы-то играть, чай, не запрещено? *(Гармонисту).* А ну-ка, парень, жарь кадрыль! Повесели кумпанию...

Есенин (с улыбкой). Верно, папаша! Золотые слова!..

Берёт за руку невесту, выходит на середину.

Собравшиеся радостно шумят. Гармонист растягивает меха.

Сцена 5

Месяц спустя. Утро. Квартира Есениных.

В спальне на широкой кровати лежит Сергей.

Анна (уже одетая, заглядывает в комнату, подходит и тормозит мужа). Серёжа, вставай! Пора. Я уже кофе сварила и бутерброды приготовила.

Есенин (откидывает одеяло, зевает). Пора, говоришь? Времени-то сколько?

Анна. Половина седьмого. Пока умоешься, позавтракаешь, только-только к звонку успеем. *(Есенин лежит молча).* Ты чего, милый? Может, тебе нездоровится? А у меня работы — воз целый, я без тебя не справлюсь! Поднимайся, дорогой. Пора...

Есенин (ворчит). Работа эта чёртова! *(Кривится).* Мне всю ночь эти строчки снились... *(Повторяет речитативом).* «Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утёсах...» Многоточие. «Только гордый буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!» Восклицательный знак...

Анна (с улыбкой). Ну, что поделаешь? Такова наша с тобой, милый, судьба — над чужими строчками корпеть! Я думаю — не так уж это плохо.

Есенин (почти зло). А мне это до чёртиков надоело! Лучше бы я торчал в родном доме, в своём селе Константинове! *(Привстает на постели).* Когда я, дурак деревенский, в Москву рвался, то думал — наконец-таки напечатаюсь! Хоть в журнале, хоть в газете... *(Смотрит на жену).* Ну, что? Напечатался?!..

Анна (робко). А в журнале «Мирок»? Там поместили твоё стихотворение. *(Читает).* «Белая берёза под моим окном принакрылась снегом, точно серебром... (Со вздохом). По-моему, очень тонко и красочно!

Есенин (ядовито). «А заря, запятая, лениво обходя кругом, запятая, обсыпает ветки новым серебром». Точка. Вот тебе и вся идиллия! А сколько я сочинил за это время! И куда только не стучался — и всё без толку! Как об стену лбом...

Воцаряется молчание.

Анна (тихо спрашивает). И что теперь делать? *(Преданно смотрит на него).* Я

понимаю тебя... Милый, я всегда стремилась тебе помочь, ты же знаешь...

Е с е н и н. Знаю. *(Они встречаются взглядами)*. Я сам во всём виноват...

А н н а *(удивляясь)*. Ты виноват? А в чём? Я не понимаю...

Е с е н и н. В Петербург надо ехать, а не в Москве прозябать...

А н н а. Нам вдвоём? Но как?!..

Е с е н и н *(после паузы)*. Для начала я поеду один. Осмотрюсь как следует.

А н н а *(испуганно)*. А я?! Что со мной?

Е с е н и н *(твёрдо)*. Ты приедешь потом... *(Вздыхает)*. А тут ещё эта чёртова война свалилась на наши головы! До моего года призыв пока не дошёл, но кто знает — конца-то ей не видать!..

Анна пристально смотрит на него. За стеной бьют часы семь раз.

А н н а *(вздрагивает)*. Ой! Уже семь, мне пора... Ты остаёшься?

Е с е н и н *(откидывает одеяло)*. Надо хорошенько подумать. Сейчас я встану — схожу на вокзал, узнаю расписание. Вечером всё обсудим.

А н н а *(подходит и целует его)*. Ну, хорошо. Тогда до вечера, милый.

Е с е н и н *(сдержано)*. Пока, дорогая. Удачи тебе. Скажи хозяевам, что я захворал. Отлежаться, мол, надо.

Анна уходит. Сергей быстро надевает брюки, выходит в другую комнату, возвращаясь с чашкой кофе и бутербродами. Жадно ест и пьёт. Насытившись, достаёт из сундука потёртый фибровый чемодан, укладывает в него брюки, рубашки, нижнее бельё. Запирает его, мельком осматривается и выходит.

Сцена 6

Санкт-Петербург. Март 1915 года. Николаевский вокзал. Пронзительные гудки и свистки паровозов. Неумолчный людской гомон, беспорядочный топот ног и залиvistые выкрики газетчиков: «Последние новости с фронтов! Наше поражение в Восточной Пруссии! Тысячи убитых и раненых, сотни попали в плен... Немцы пускают газы... Солдаты мрут... Читайте подробности!..»

Появляется Есенин в старом пальто, сапогах и тёплой шапке.

Растерянно оглядывается по сторонам. Он явно смущен и взволнован. Навстречу ему идет высокий человек в добротной шубе и черном, блестящем цилиндре.

Е с е н и н. Простите, сударь! Вы не подскажете, пожалуйста, как мне найти редакцию «Летопись»?

П р о х о ж и й *(с удивлением смотрит на него)*. Вам нужен журнал «Летопись»?

Е с е н и н. Да, сударь. Его редактирует Максим Горький.

П р о х о ж и й *(улыбается)*. Я это знаю. А вам, юноша, кто нужен? Неужто сам Горький?

Е с е н и н. Ну, не обязательно сам. Хоть кто-нибудь из его сотрудников. *(Нарочито серьёзно представляется)*. Я — поэт Есенин.

П р о х о ж и й *(пряча улыбку)*. А я — поэт Городецкий.

Е с е н и н *(не веря собственным ушам)*. Вы — Городецкий? Да неужели?!

Г о р о д е ц к и й. Ну, да. *(Шутливо склоняет голову в цилиндре)*. К вашим услугам, милостивый государь! Вы что — наслышаны обо мне?

Е с е н и н *(горячо)*. Конечно! Вы же — известный поэт! Я читал ваши стихи.

Г о р о д е ц к и й. Простите, а где вы печатались?

Е с е н и н. В журнале «Мирок» и в одной газете. Не густо, правда...

Г о р о д е ц к и й *(понимающе)*. Ну, какие ваши годы! Кстати, а как ваше имя?

Е с е н и н. Сергей. Сергей Есенин.

Г о р о д е ц к и й. Надо же! Я тоже Сергей. Мы с вами тёзки. *(Протягивает руку)*. Вот и познакомились. Очень рад. Давай по тому. А судя по тому, что ты здесь — тебя привёз московский поезд. И где ты намерен остановиться?

Е с е н и н. Пока нигде. Переночую на вокзале... Ты, надеюсь, скажешь мне, где эта редакция? И как до неё добраться.

Г о р о д е ц к и й. Скажу-скажу, не переживай. *(Сочувственно)*. Я дам тебе свой адрес, переночуешь у меня. Идёт?

Е с е н и н. Спасибо! Только как я найду его? Я в Петербурге впервые, так уж случилось...

Г о р о д е ц к и й *(усмехается и поправляет)*. Теперь говорят — в Петрограде. У нас ведь война с немцам. Немецкое имя заменили на русское. *(Достаёт из-под шубы блокнот и карандаш. Быстро пишет, вырывает листок и протягивает Есенину)*. Вот тебе мой адрес. Поезжай хоть сейчас.

Е с е н и н *(подносит листок к глазам)*. Улица Фонтанка. Дом... А что мне с этим делать? Куда прикажешь идти?

Г о р о д е ц к и й. Ты сядешь на извозчика. Они у нас всё знают. *(Достаёт из кармана ключ и вручает поэту)*. Держи, тёзка. Ну, давай! А мне надо проехать в Колпино, это недалеко. Вечером вернусь.

Е с е н и н *(жалобно)*. А как же редакция?

Г о р о д е ц к и й. Подождёт. Завтра я отведу тебя. У меня там есть знакомые. Не тужи. Пока, тёзка. *(Хлопает поэта по плечу. Расходятся)*.

Сцена 7

Петроград. Квартира Городецкого. Поздний вечер. Есенин при свете керосиновой лампы с абажуром сидит за письменным столом и что-то пишет. Откладывает ручку, читает про себя и зачеркивает строчки. Доносятся шаги, в комнату входит хозяин.

Г о р о д е ц к и й. Добрый вечер, затворник! Ну, как ты тут? Не скучаешь? *(Есенин хочет встать)*. Сиди. Ты сюда на извозчике добрался?

Е с е н и н. Нет. Пешком.

Г о р о д е ц к и й. Как пешком?! В такую даль?

Е с е н и н. Расспросил у них дорогу, у извозчиков — и вот я тут!

Г о р о д е ц к и й. Отчаянный ты парень, Сергунька! *(Берёт стул, садится)*. Ты голоден?

Е с е н и н. Нет. Я поел в ближайшем трактире.

Г о р о д е ц к и й. Здесь, на Фонтанке?

Е с е н и н. Ну, да. Пару домов отсюда.

Г о р о д е ц к и й. Молодец! Погоди, я сейчас кофе сварю.

Е с е н и н. Кофе? А где сварить-то? *(Оглядывается)*.

Г о р о д е ц к и й *(встаёт)*. Да на спиртовке. Это быстро. *(Выходит в другую комнату)*.

Есенин вновь склоняется над рукописью. Усердно правит. Через какое-то время входит хозяин, держа на подносе стеклянную колбу с кофе, две чашки и сахарницу.

Ставит всё на стол, вблизи есенинских рукописей. Гость хочет их убрать.

Г о р о д е ц к и й. Не надо. Места хватит. *(Кивает на бумаги)*. Там стихи?

Е с е н и н. Ну, да. Не хотел время терять попусту.

Г о р о д е ц к и й *(одобрительно)*. Это правильно! *(Садится ближе к столу, взяв в руки колбу, разливает кофе в чашки)*. Клади себе сахар. Он пока в избытке, несмотря на войну.

Есенин осторожно берёт пару кусочков рафинада, опускает их в чашку, размешивает ложечкой. Одной на двоих. Потом эту ложку берёт хозяин, мешает, и оба с наслаждением, как истинные гурманы, пьют.

Г о р о д е ц к и й *(глядя на гостя посветлевшими глазами)*. Ну, что ты там писал? Может, что-то прочтёшь? Я бы послушал.

Е с е н и н *(наверняка ждал этого вопроса, но отвечает как бы нехотя)*. Да так. Пустяки. Баловался.

Г о р о д е ц к и й *(настойчиво)*. Ну, полноте, тёзка! Давай не жмись. Чего ты?

Е с е н и н *(перебирает листки, бегло просматривает, наконец, решаетя)*. Ладно. Слушай. *(Голос его звенит)*.

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих спозвонных.

На меже, на переметке,
Резеда и риза кашки
И вызванивают в четки
Ивы — кроткие монашки.

(Городецкий весь обращается вслух).

Курит облаком болото.
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю. Все приемлю.
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть...

С последним звуком в комнате воцаряется тишина. Гулякая. Безграничная.

Городецкий сидит, не шевелясь.

Есенин *(робко)*. Ну, что? Как?
Городецкий. Серёга! *(У него перехватывает горло)*. Чёрт тебя возьми! Ты гений! Откуда ты такой взялся?! Где такие выводятся?

Есенин *(смущённо улыбается)*. Под Рязанью. В селе Константиново, Кузьминской волости.

Городецкий. Стихи давно сочиняешь?

Есенин *(просто)*. С детства. Лет с восьми.

Городецкий. И много написал?

Есенин. Много. Но большая часть дома осталась, в Константиново.

Городецкий *(смотрит на рукописи)*. Ты хочешь это в журнал предложить? В «Летопись»?

Есенин. Хотелось бы. Я давно об этом мечтаю.

Городецкий. В рукописном варианте это точно не примут, поверь мне. Там нужен машинописный текст.

Есенин. А машинистку где мне найти? Я здесь никого не знаю.

Городецкий. Не волнуйся, Сергунька! Есть у меня одна, Зинаидой зовут. Завтра с утра пойдём к ней. *(Смотрит на гостя одобрительно)*. Ну, давай, рязанец, кофе допьём. Поэт ты замечательный, поверь мне! *(Разливает кофе, и в наступившей тишине оба молодых поэта сосредоточено и вдумчиво пьют, как священнодействуют)*. Закончив, хозяин вынимает карманные часы). Ого! Уже третий час! Давай-ка, тёзка, на боковую. Пойдём, я предложу тебе кушетку.

Оба встают. Городецкий тушит лампу, комната погружается в темноту.

Сцена 8

Петроград. Утро. Редакция городской газеты. Бойко стучит пишущая машинка. В секретариат, где сидит машинистка, заходят Городецкий и Есенин.

Он предусмотрительно снял шапку, в его руке папка, перевязанная тесемками.

Городецкий *(снимает цилиндр)*. Доброе утро, Зиночка!

Зинаида *(поднимает голову)*. Здравствуйте, Сергей Митрофаныч!

Городецкий *(толкает в бок Есенина)*. Вот познакомьтесь, Зиночка! Известный московский поэт Сергей Есенин! *(Есенину)*. Это Зинаида Райх!

Есенин *(приветливо наклоняет голову)*. Мне очень приятно!

Зинаида *(улыбается)*. Мне тоже!

Городецкий. У вас много работы, дорогая?

Зинаида *(кивает на стопку бумаг)*. Вы же знаете, Сергей Митрофаныч, у меня не бывает простоев! А у вас что-то срочное?

Городецкий. Не у меня, к счастью, а у моего тёзки. У поэтов тоже с простоями туговато, особенно весной. *(Есенину)*. Покажи мадмуазель свои вирши.

Тот охотно развязывает тесёмки, вынимает стопку рукописей.

Зинаида *(берёт верхний листок)*. У вас хороший почерк, господин Есенин. Очень разборчивый.

Есенин. Спасибо. Я окончил учительскую школу.

Зинаида *(пробегаёт глазами строчки и читает вслух)*. «Пряный вечер. Гаснут зори, по реке плывёт туман»... *(Увлекается)*. «У плетня, на косогоре, забелел твой сарафан!» *(Смотрит на поэтов)*. А мне это нравится! Очень! Вы молодец, Сергей!

Городецкий *(улыбается)*. Ну, вот и отлично! *(С надеждой)*. Зиночка, вы можете таланту? Мы будем вам очень обязаны, уж поверьте!

Зинаида. Ну, конечно! Как не помочь двоим поэтам?

Городецкий *(надевает цилиндр)*. Тогда с богом! *(Есенину)*. И, надеюсь, вы тут сами разберётесь. Вечером у меня! *(Кланяется и выходит)*.

Зинаида *(поэту)*. Вы, Сергей, пожалуйста, разденьтесь и садитесь поближе.

Он быстро снимает пальто, вешает его на спинку стула и садится к столу.

Оба склоняются над рукописями.

Сцена 9

Вечер. Квартира Городецкого. Хозяин сидит за столом, что-то пишет.

Перечитывает и зачеркивает. Раздается шум шагов, входит Есенин.

Видно по всему, что он вполне доволен жизнью.

Городецкий. Ну, привет, дорогой! Виден сокол по полёту! Что, добрый моло-

дец, неужто покорила красную девицу? Как успехи, Сергунька? А Зиночка, между прочим, не замужем.

Есенин. Да знаю, знаю... Добрый вечер!

Городецкой. И это ты знаешь? Наш пострел кругом поспел! Ну, ты, Серёга, как говорят твои земляки — прокурат-парень! Можно позавидовать.

Есенин (суеверно). Да ладно тебе! Не перехвали — удача отвернётся!

Городецкой (встаёт). Погоди, я кофе поставлю. А ты садись — в ногах правды нет. (Выходит. Есенин садится, ворошит события минувшего дня. Он полон впечатлениями. Входит хозяйин, неся на подносе кофе. Ставит всё на стол). А где твоя папка со стихами? На радостях забыл, что ли? Голова кругом?

Есенин. Зинаида её у себя оставила. На завтра она взяла выходной, и мы встречаемся у неё на Литейном. Надо кое-что подправить.

Городецкой. Шутки шутками, но ты делаешь успехи, Сергунька! Ещё никого Зиночка к себе в гости, я помню, не приглашала! (Разливает кофе. Оба сосредоточенно пьют. Хозяин, нет-нет, да и поглядывает на гостя, словно видит его впервые). А война-то, между прочим, не кончается, чёрт её дерит! Она, как тот Молох, всё время требует и жаждет новых жертв. И мы в их числе можем оказаться! Попасть в эту треклятую «верденскую» мясорубку... Там миллион солдат полегло...

Есенин (недоумённо). Это ты к чему? Меня пока никто не трогает.

Городецкой. Да ну? А на воинском учёте ты состоишь?

Есенин. А как же? Состою у себя в Рязани.

Городецкой. Но теперь ты питерский, Сергуха, и тебе надлежит явиться в Петроградское воинское присутствие. (Кивает на газету, лежащую на столе). Вон приказ в «Ведомостях». Читай, любезный.

Есенин (тянется за газетой, берёт её, читает). Тут говорится, что призываются рекруты девяносто пятого года рождения. Это как раз мой год...

Городецкой. Ну, вот видишь! И значит, навек прощай все наши благие мечты и воспарения духа. Кровавый, ненасытный Молох поглотит всех нас в своей бездонной, зловонной утробе. Иного не дано. А я, между прочим, свой воинский долг государю и родине уже отдал. (Оба мрачно опорожняют чашки. Потом хозяйин встаёт и тушит лампу). Ну, хватит! Пойдём спать. Может, с утра, даст Бог, кое-что переменится.

Сцена 10

Петроград. День. Воинское присутствие. Медицинский кабинет. За столом сидит военврач — осанистый мужчина в белом халате и очках, сбоку — женщина-фельдшер.

Врач (глядя в бумаги). Приглашай следующего.

Фельдшер (встаёт и выкликает). Рекрут Есенин!

Входит Есенин, голый по пояс и в подштанниках.

Врач. Подходи ближе. Фамилия, имя, отчество, год и место рождения?

Есенин. Есенин Сергей Александрович. 1895 год Рязанская губерния, Кузьминская волость, село Константиново. (Фельдшер записывает).

Врач. Сословие?

Есенин. Я поэт...

Врач. Поэт?! (Смотрит поверх очков на новобранца). В Российской империи нет такого сословия.

Есенин (поправляется). Ну, крестьянин.

Врач. Это другое дело. (Встаёт, берёт трубочку фонендоскопа и подходит к Сергею. Прикладывает её к его груди). Дыши, поэт. Глубже! (Есенин дышит. Врач внимательно слушает. Затем перемещает прибор к сердцу рекрута). Сердце у тебя здоровое, бьётся ровно. Теперь повернись спиной. (Есенин поворачивается. Врач слушает, потом указывает на табурет). Садись. Положи ногу на ногу. (Рекрут исполняет приказ. Врач берёт молоточек и бьёт его под коленкой. Верхняя нога Есенина подпрыгивает). Хорошо. Теперь клади другую. (Поэт меняет ноги и всё повторяется). Теперь вставай, вытяни руки перед собой, закрой покрепче глаза. (Есенин жмурится). Указательным пальцем правой руки коснись кончика носа. (Есенин выполняет). Теперь левой. Ладно. Рефлексы у тебя в норме. (Фельдшеру). Глаша, измерь ему рост. (Женщина подводит рекрута к ростомеру, опускает ему на темя ползунок). Сколько там?

Фельдшер. Два аршина, пять вершков.

Врач (усмехается). И пуда три с десятком фунтов весом. (Есенину). В кавалерию сгодишься, парень. В седле держаться умеешь?

Есенин. Я же в деревне вырос! А в ночном какое седло? Сядешь коню на круп и за гриву хватать! (Неожиданно восклицает). Ой, мне дома не сидится, размахнуться б на войне! Полечу я быстрой птицей на саврасом скакуне!..

Медики переглаживают.

В р а ч. Добро, поэт! Авось поскачешь. Давай проверим твои глаза. *(Подводит его к таблице с чередой букв. Берёт указку и подаёт рекруту картонный кружок)*. Закрой левый глаз. *(Есенин закрывает. Врач тычет указкой в низ таблицы)*. Это какая буква?

Е с е н и н *(неохотно)*. Чего-то не разберу.

В р а ч *(поднимает указку выше)*. А эта?

Е с е н и н. Тоже не различаю.

В р а ч *(указывает в середину таблицы)*. А теперь?

Е с е н и н. Это «аз», «веди», «буки»...

В р а ч. Закрой правый глаз. *(Есенин выполняет. Врач тычет указкой вниз)*. Ну, давай!

Е с е н и н. Неясно как-то. Плывёт всё.

В р а ч *(указывает в середину)*. А это что? Видишь?

Е с е н и н. Вижу. «Добро», «люди», «глаголь».

В р а ч *(отставляет указку)*. Видишь ты, парень, неважно. Какая тут кавалерия? И в пехоте такие не нужны! Чего доброго — своих сослепу расстреляешь... *(Фельдшеру)*. Запишем мы его, Глафира, в наш санитарный поезд. *(Есенину)*. Вот так, поэт! Теперь будешь санитаром. Стихи свои ты, видать, при лучине писал. Вот и посадил зрение.

Е с е н и н. Правда ваша — по-всякому было.

В р а ч. Ладно. Иди получай обмундирование, через неделю на фронт отправляемся на военно-санитарном поезде №143 имени императрицы Александры Фёдоровны. Ступай!

Сцена 11

Петроград. Утро. Николаевский вокзал. Шум, гудки паровозов. Топот марширующих солдат. Вопли газетчиков: «Читайте известия с фронтов! Государь-император Николай Второй прибыл в свою главную ставку в город Могилев... Готовится крупное наступление наших войск! Мы собрали все силы! Читайте известия!..»

На перроне появляются Есенин и Зина. Он в зеленой гимнастёрке, бриджах, сапогах, в фуражке с красным крестом. Через плечо — скатка, за спиной — вещмешок.

Она крепко держит его за локоть.

З и н а. Серёжа, я боюсь.

Е с е н и н. Чего ты боишься? Не надо, не бойся.

З и н а. А вдруг?! Ну, ты понимаешь...

Е с е н и н. Вдруг меня убьют? Ты про это? *(Она молча кивает головой. Есенин пытается улыбнуться)*. А ты не верь этому! Может, я заговорённый? Лучше жди и помни.

Паровозный гудок. Удар колокола. Голос дежурного: «Все по вагонам!»

Есенин и Зина обнимаются и крепко целуются. Потом он быстро убегает. Она остаётся на перроне, слушая паровозный свисток и мерный стук колёс.

Под этот стук прорезывается голос Есенина:

Повестили под окнами сотские:

Ополченцам идти на войну.

Загыгыкали бабы слободские,

Плач прорезал кругом тишину.

Собиралися мирные пахари

Без печали, без жалоб и слез.

Клади в сумочки пышки на сахаре

И пихали на кряжистый воз.

По селу до высокой околицы

Провожал их огулом народ

Вот где, Русь, твои добрые молодцы,

Вся опора в годину невзгод...

Действие II. НА ПАРНАСЕ**Сцена 1**

Петроград. 1917 год. Актальный зал Тенишевского училища. Шум и людской гомон.

Голос за сценой: «Уважаемая публика! Сейчас перед вами выступит известный поэт Сергей Есенин! Еще совсем недавно он был на передовой, в частях действующей армии, выносил и перевязывал раненых солдат. Прошу!» Выходит Есенин.

В светлой вышитой рубахе с пояском, в сапогах. Слегка кланяется.

Е с е н и н. Я последний поэт русской деревни. И все мои стихи о её многострадальной, нелёгкой судьбе... *(Чуть запинаясь)*. Но это — наша родина. Моя и ваша. *(Возвышает голос)*.

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа.
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонко чахнут тополя.

Пахнет яблоком и мёдом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою!»

Бурные аплодисменты, крики: «Браво! Молодец! Давай ещё!» Но их перекрывают вопли газетчиков: «Граждане! Срочные известия! Важные сообщения! Император отрёкся от престола! В главной ставке, в городе Могилёве, им подписано отречение! Вся власть переходит к Временному правительству! Читайте манифест!..» Возникает шум и неразбериха. Есенин кланяется и быстро уходит со сцены».

Сцена 2

Петроград. Квартира Есениных на Литейном проспекте. Вечер.

З и н а и д а *(качает колыбель и тихо напевает)*. Ой, люли-люли, налетели гули. Сели и уснули. Прилетели совки-сплюшки прямоком к моей Танюшке... *(Качает люльку)*. Спи, моя милашка! Спи, как неваляшка! *(Входит Есенин в погдёвке и шапке. Зинаида подносит палец к губам)*. Тш-ш-ш... Она засыпает. *(Он тихо раздевается, проходит вглубь комнаты. Женщина встаёт, отодвигает стул. Возвращается Есенин, в его руках газета)*. Ты где был так долго?..

Е с е н и н. Ты лучше спроси, где я не был! Чёрт знает что творится! Ох, матушка Расея! Да куда ж ты катишься?!.. Где твой предел? Когда остановишься?

З и н а и д а. Тише! Ну, что случилось? Скажи толком.

Е с е н и н *(шёпотом)*. Да какой тут толк? Николай отрёкся.

З и н а и д а. Кто?! Наш царь? Не может быть! Как?!

Е с е н и н *(трясёт газетой)*. А вот так: «Мы, Николай Второй, император Всероссийский, царь Польский, князь Финляндский и прочая, и прочая, ныне сообщаем»...

З и н а и д а. Он отрёкся в пользу кого? Цесаревича Алексея, что ли?

Е с е н и н *(траурно)*. Нет. Царя на Руси больше не будет. И не ждите! Вот так...

З и н а и д а *(с ужасом)*. Как не будет?! А кто же будет? Я не понимаю...

Е с е н и н. Кто будет? Теперь вся власть переходит к Временному правительству. А главный у них — князь Львов, просит любить и жаловать.

Зинаида бессильно опускается на стул. Воцаряется гробовое молчание.

Хнычет ребёнок. Мать бросается к нему, качает люльку.

Есенин занимает стул, бесцельно глядя в газету.

З и н а и д а *(шепчет ему)*. И что нам теперь делать? Как жить? Ужас-то какой!..

Е с е н и н. В Константиново ехать надо.

З и н а и д а. В твоё село? Нам всем троим? Когда?

Е с е н и н. Нет. Один я поеду.

З и н а и д а *(жалобно)*. Ты один? А как же мы с Танюшкой? Я не понимаю...

Е с е н и н. Да я ненадолго. Картошки, капусты, сала привезу. Мать с нами поделится. Жить и есть ведь надо.

З и н а и д а. Ладно. Поезжай. Мы уж как-нибудь. Танюшка, слава богу, здорова. Не пропадём без тебя, надеюсь...

Е с е н и н *(скупо улыбается)*. Вот и славно! *(Смотрит на жену)*. А меня нынче принимали отлично! В училище Тенишевском. Слушали, хвалили, шквал аплодисментов! *(Трясёт газетой)*. И если бы не этот чёртов манифест!..

Сцена 3

Село Константиново. Март месяц. Изба Есениных. Утро.
За столом сидят мать поэта – Татьяна Федоровна и сестра Екатерина.

М а т ь. Да как же так? И что же теперь будет? Чего нам, бедным, нынче ждать? Война-то кончается аль нет? А тут ещё царь нас бросил, несчастных...

Д о ч ь. Бросил, маманя. А она всё идёт да идёт! И конца ей не видать...

М а т ь. И солдатики наши всё гибнут да гибнут... Ох, беда-беда! И от Сергея весточки давнёшенько не было. Может, его снова на фронт забрали, раз война не кончается?

Д о ч ь. Да навряд ли. Жена его – Зинка – про это бы написала. Как же!

М а т ь. Катька, а ну-ка глянь в окошко! Глянь, говорю, живее!

Д о ч ь (*встаёт и смотрит в окно, взвизгивает*). Ой, Серёжка никак идёт!

Вихрем выбегает на улицу. Через минуту брат и сестра появляются в доме. Она виснет на нём. Сергей в поддёвке, шапке, сапогах, с пустой котомкой за спиной.

М а т ь (*встаёт*). Серёженька, сыночек! Вот радость-то! Я уж не чаяла...

Е с е н и н (*бросается к ней, крепко обнимает, горячо целует*). Матушка моя! Родная!.. Как я рад тебе!.. Соскучился, страх...

С е с т р а (*тянет с его плеча котомку, хочет снять поддёвку*). Да раздевайся, братец! Жарко ведь у нас... Снимай одежду-то!

Есенин разоблачается, отдаёт всё сестре. Та мигом уносит.

М а т ь. Похудал. Осунулся. Дома-то был крепче, справнее. И попривожей...

С е с т р а (*вбегает*). Серёжа, мы тут сидим с маманей, она мне – Катька, а ну-ка, глянь в окно!.. А там ты!.. Вот радость-то!..

М а т ь. А как же?.. Я его, кровиночку мою, за версту чую! (*Гладит сына по плечу. Он целует ей руку*). Садись, родной, отдыхай... Устал, чай, из городу-то ехать! Чугунка эта проклятая всю душу, поди-ка, вымотает...

Е с е н и н (*садится за стол. Осматривается*). А Шурка-то где?

М а т ь. У бабки она гостит. (*Дочери*). А ты, Катька, самовар вздуй! (*Крестится*). Слава Богу, что сыночка живого да здорового увидала! В кои-то веки!..

Е с е н и н (*сестре*). Давай я помогу тебе.

М а т ь. Вот не надо! Девка она проворная, сама справится. (*Катерина выходит, а мать с любовью смотрит на обожаемого сына*). Лучше поведай мне про жизнь свою городскую. Как ты там да чего?

Е с е н и н. Ведать-то, маманя, особо нечего. В Питере нынче смута, неразбериха, кавардак. Царь навсегда от престола отрёкся. (*Мать обеспокоенно крестится*). А к власти правительство временное пришло. И война никак не кончится. Уже который год: то немцы нас колошматят, то мы их... Горы трупов только...

М а т ь. Ужаси какие! Ты-то как? Тебя-то на войну, часом, опять не пошлют?!..

Е с е н и н (*усмехается*). Я своё отслужил! Царю природному долг отдал, а правительству этому служить не собираюсь. Много ему чести будет!..

Мать испуганно крестится. Входит дочь, внося самовар. Брат подскакивает к ней, берёт самовар и ставит его на стол. Сестра приносит кружки и связку баранок.

М а т ь. Попей-ка чайку, Сергунечка, с дороги! Потом чего-нибудь посытнее соберём, даст Бог. Хотя и у нас нынче не шибко разъешься...

Дочь наливает из краника в кружки кипяток, добавляет заварки.

Е с е н и н. Спасибо, мои дорогие! (*Берёт кружку*). Куда мне без вас?..

М а т ь (*укоризненно*). Ох, охальник-охальник!.. Лоб-то даже не покрестил!..

Д о ч ь. Ну, ладно, маманя! Нынче это не принято...

Е с е н и н (*улыбается*). Верно говоришь, Катюха! (*Отхлёбывает из кружки*). Эх, хорош чаёк! В городе-то больше кофеем балуются. Из-за границы везут.

М а т ь. И самоваров, поди-ка, в доме не держат? А иконы?

Е с е н и н. У кого как. Кто-то верит в Бога. А кто-то... (*Пожимает плечами*).

М а т ь. Отец сказывал, что ты со своей первой-то женой даже не повенчался. Верно? (*Есенин кивает головой*). А с нынешней, со второй? С Зинаидой? Дочку-то свою вы покрестили?

Е с е н и н. Некогда было, маманя. Но я назвал её в твою честь – Татьяной. Мы с Зинаидой заключили, как теперь говорится – официальный брак. Расписались то есть. Всё по закону.

С е с т р а. Ну, ты, Сергуня, хоть немного поживёшь у нас? Мы, чай, по тебе соскучились.

Е с е н и н. Да поживу-поживу. Вы же мои единственные разлюбезные голубушки. Куда я без вас?..

Сцена 4

Петроград. Май 1917 года. Поздний вечер. Квартира Есениных. Зинаида сидит у кровати ребенка, что-то вяжет. Раздается осторожный шум, в комнату входит Есенин.

Он в короткой куртке, фуражке и сапогах. Жена молча смотрит на него.

Он снимает с плеча котомку.

Есенин (*шёпотом*). Привет... Я вернулся! Вот это вам. (*Держит котомку на весу*).

Зинаида (*устало*). Вижу. Ну, здравствуй... А что там у тебя?

Есенин. Сало, хлеб... Танюшка спит?

Зинаида. Уснула недавно.

Есенин опускает на пол рюкзак, сбрасывает куртку, снимает фуражку, на цыпочках подходит к колыбельке. С минуту смотрит на спящую дочь.

Есенин (*ласково шепчет*). Подросла егоза! Даже на первый взгляд заметно.

Зинаида. Если бы ты пропадал дольше, она бы уже всю бегала!

Есенин (*виновато*). Так уж получилось, что муза меня вконец одолела!.. (*Улыбается*). Ты знаешь, стихи в деревне сами в голову лезут. Удержу нет! Я ими прямо беременею! Целую поэму там родил, назвал — «Отчарь». (*Произносит нараспев*). Тучи — как озёра. Месяц — рыжий гусь. Пляшет перед взором буйственная Русь!..

Зинаида. Тише! Таньку разбудишь. Я, к твоему сведению, тоже беременна. Только не стихами, уж извини.

Есенин (*пугается*). Как?! Опять?..

Зинаида. Не опять, а снова... Прости, но мне не до стихов. Как-нибудь потом. Завтра. Есть-то хочешь?

Есенин (*кивает на рюкзак*). Я сало с хлебом ел. Может, и ты поешь?

Зинаида. Не хочется. Твой-то как? Что в деревне творится?

Есенин. А что ей делается? Деревня живёт по-старому. В срок отсеялись, теперь ждут дождей да ведро... Вы-то как без меня?

Зинаида (*устало*). Отец мой, слава богу, нам вовремя помог. И деньгами, и продуктами. Я ему так благодарна...

Есенин. Стихов я на книжку целую набрал. И не на одну. В Москву надо ехать. Там я всё быстро выдам в печать. Глядишь, и деньгами вволю разживёмся! Делишки свои поправим.

Зинаида (*отрешённо*). Это после. Полночь уже. Пора ложиться...

Сцена 5

Москва. Сентябрь месяца. Квартира отца Есенина. Хозяин сидит за столом с кучей бумаг и конторскими счетами. Читает, прикидывает что-то, шелкает косточками счетов. Хмурится, мрачно качает головой, пишет карандашом. Входит Есенин.

Сердитый, озабоченный. Снимает пальто и фуражку, вешает все на крюк.

Отец. Там, на загнетке, картошка с селёдкой. Поешь.

Есенин. Ладно. После. (*Садится на табурет и некоторое время следит за отцом. А тот сосредоточенно щёлкает на счётах и вдумчиво пишет*). Ну, что там у тебя? Приход с расходом никак не сойдутся? И кто кого подмял? А может, вдрызг изничтожил...

Отец. Да рази тут хоть что-то может с чем-то сладиться, коли (*поднимает голову и кивает вверх*) там один бардак и чехарда?! (*Мелко крестится*). Правительство это неладное опять невесть чего наворотило, а у нас, грешных, голова кругом... Не жизнь, а мучение одно...

Есенин. Зато Керенский везде болтает, что Россию ждёт великое будущее. Может, ему виднее?..

Отец (*зло и ядовито*). Да куда там! Кому тут виднее? Николаевские-то ассигнации сотнями да тыщами ходили, а эти «керенки» проклятушие миллионами сыпятся, а их не берёт никто! Не видишь разве? (*Сердито стучит костяшками счёта*). Ты, когда санитаром служишь, в Царском селе, говорят, бывал. Даже с самим царём видался, ведь так?

Есенин (*усмехается*). Тут ты, батя, загнул. Николая я не видел, а с его семейством встречался. Стихи свои читал его мамаше, жене и дочкам.

Отец. В самом дворце ихнем? Там кругом, поди, одно золото и сами они в жемчугах да бархате?

Есенин. Нет, царица с дочками в белом переднике и косынке с красным крестом, а сынок её — Алёша — в матросской форме. Всё было очень просто.

Отец (*недоумённо*). Да неужто? Для маскарада, что ли?

Есенин. Война же. Они были, как сёстры милосердия. Только и всего.

Отец. Не помогло им это! Всё одно — в Сибирь сослали, быдто каторжных... (*Продолжает допытываться*). Ты вот, Серёга, со знаменитыми людьми выдаешься, судачишь да пьёшь с ними... Они-то как на всё это смотрят? Неужим эта жизнь нравится? Мутная да непонятная. Может, я чего-то не пойму?..

Есенин. Это кому как. Кто-то всем доволен, а кто-то власть хочет поменять. Только как — непонятно...

Отец. А этот... Ну, Горький Максим... Он-то чего?

Есенин (*хмыкает*). Горький живёт в Италии. Уже который год...

Отец (*подхватывает*). Вот-вот! Там-то, видать, ему спокойнее... А мы тут, бедные, лбы расшибаем в кровь. Бьёмся, как пескари об лёд!.. (*Оба на время умолкают. Отец что-то записывает, потом обращается к сыну*). Сергуха, а книжки-то свои ты напечатал? Помню, грозился... (*Усмехается*). Ходишь, сапоги, поди, до дыр протёр, и чего?..

Есенин. С бумагой нынче туго. И все типографии стоят. Даже журналы в свет не выходят...

Отец (*злорадно*). Бумаги, говоришь, нет? (*Кивает на мятые «керенки», кучкой лежащие на столе*). Да она вся на эти паскудные деньги уходит. Эх, Серёга-Серёга! Мало драл я тебя в детстве, когда ты своими стишками баловался... Пора бы уж за ум взяться! Не всем быть Горькими да загорать в Италии... Не так, что ли?

Есенин (*встаёт*). Ладно, батя! Хватит мне мораль читать. На это все мы горазды! Спокойной ночи... Завтра я в Питер еду...

Сцена 6

Петроград. 1919 год. Вечер. Квартира С.Городецкого. Хозяин сидит за столом, перед ним пустой графин, стаканы, пепельница, полная окурков. Он, будучи навеселе, в благодушном раздумье водит пальцем по столешнице. Раздается стук в дверь.

Городецкий. Да! Войдите, если не дьявол!.. (*Входит Есенин. В легком пальто и фуражке*). О-о, Сергуня! С коммунистическим тебя приветом, как теперь принято! Проходи, рад видеть тебя.

Есенин. Дорогой тёзка, это в часть чего ты так нарюмился?

Городецкий. Да просто так. Заходили Толька с Петькой, посидели, выпили...

Есенин. Мариенгоф и Орешкин?

Городецкий. Они, поэты клятые! Стихи свои читали. Выпить хочешь?

Есенин (*снимает пальто и фуражку, вешает всё на спинку стула*). Выпить, говоришь? (*Смотрит на стол*). Так вы же всё выдули!..

Городецкий. Нет, шалишь! Не всё. (*Достаёт из ящика стола графин с вином*). Вот он, голубчик пузатенький! Дождался своей очереди.

Есенин (*садится*). Ну, тогда наливай, тёзка! (*Городецкий наливает вино в стаканы*). А за что будем пить? Может, как у Александра Сергеича? Подыдем стаканы, содвинем их разом... Да здравствуют музы, да здравствует разум!.. Я — за!

Городецкий (*кривится*). Да какие тут музы!.. А разум приказал долго жить!..

Есенин. Тогда за что вы тут пили? С Орешкиным и Мариенгофом.

Городецкий (*с грустью*). За прошлые, славные деньки, Сергуша.

Есенин. Вот и отлично! Я это с восторгом поддержу. И до дна выпью!

Поэты чокаются и пьют.

Городецкий (*оставив стакан, ревниво напоминает*). Но ты, однако, в ногу со временем шагаешь! И не в пример многим...

Есенин. Это ты о чём, тёзка? Уж не про мои ли шумные загулы?

Городецкий. Нет, про стихи. (*Декламирует*). «Небо — как колокол. Месяц — язык. Мать моя — родина. Я — большевик!..» (*Пытливо смотрит на приятеля*). Когда же ты, Сергуня, успел в партию-то записаться? Да неужели по стопам Брюсова пошёл? Ты слышал об этом?

Есенин. Поэт-символист Валерий Брюсов готовится стать рядовым коммунистом? Вступить в партию? Слышал, конечно... Если это не пустые бредни...

Городецкий. А может, это в самом деле символично? Записаться в правящую партию — как «в дамки» попасть! Глядишь, тут же издадут тысячными тиражами...

Есенин (*серьёзно*). Я никуда не записывался. А это моя новая поэма, называется — «Иорданская голубица», вот послушай:

Ради вселенского
Счастья людей
Радуюсь песней я
Смерти твоей!

Крепкий и сильный
 На гибель твою
 В колокол синий
 Я месяцем бью!..

Г о р о д е ц к и й. Значит, по-твоему, выходит — Ленин с Троцким устроили октябрьский переворот, взяли Зимний, арестовали Временное правительство ради вселенского счастья людей? А чьей смерти ты радуешься? Не своей ли любимой деревни? Это, по меньшей мере, странно...

Е с е н и н. А почему нет? Может, ради этого вселенского счастья стоит чем-то пожертвовать? И тогда все люди будут заодно...

Г о р о д е ц к и й (*наливает вино*). Твоими бы устами... Ну, тогда давай за вселенское братство!

Е с е н и н (*опорожнив стакан*):

Земля моя золотая!
 Осенний светлый храм!
 Гусей крикливых стая
 Несется к облакам.

То душ преображенных
 Неисчислима рать,
 С озер поднявшись сонных,
 Летит в небесный сад.

А впереди их лебедь.
 В глазах, как роша, грусть.
 Не ты ль так плачешь в небе,
 Отчалившая Русь?

Г о р о д е ц к и й. Троцкий с Лениным едва ли похожи на белых лебедей... И песен, кроме «Интернационала», оба не поют... (*Спустя минуту*). Я понимаю, всем нам нужно как-то жить... Есть и пить... Поэты тоже люди... Помнишь, как у Пушкина? «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...»

Е с е н и н (*подхватывает*). «И меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он...»

Г о р о д е ц к и й. Именно так. К счастью или к несчастью, мы не можем жить в безмолвье и безвестности. Когда о нас не говорят и не пишут, мы думаем, что вся наша жизнь пошла прахом. И наша душа и лира под замком.

Е с е н и н. А разве нет? Тишина и покой — удел монахов-отшельников. Это точно не для нас!

Г о р о д е ц к и й. «Если жизнь тебя обманет, не печалься, не сердись...»

Е с е н и н. Опять Пушкин! (*Почти зло*). «В день уныния смиришь: день веселья, верь, настанет!» Выходит, жизнь нас постоянно обманывает?!..

Г о р о д е ц к и й. Нас обманывает не жизнь, а наши неуёмные желания. Мы всегда хотим чего-то огромного, несбыточного, необычного и не в срок... На ком же вина, если этого не случается по нашему желанию? Ответь! (*Есенин молчит. Городецкий пристально смотрит на него*). Говорят, что вы с Зинаидой разошлись? Так или нет?

Е с е н и н. Наверно, так... Что-то у нас никак не ладится... (*Гаснет свет*).

Г о р о д е ц к и й. Опять чёртова электростанция барахлит! Вот тебе и светлый храм коммунизма... Надо свечку искать, а то лбами треснемся...

Сцена 7

Константиново. Зима. Вечер. У стола напротив друг дружки сидят отец и мать Есенины. У него на широко расставленных руках моток шерсти, она умело сматывает шерсть в клубок.

О т е ц. Да как тебе сказать, Танюша, на сколь времени эта канитель... Они, вишь, большевики эти самые, видать, думали, что дело пойдёт само собой, стоит им захотеть... Ан, нет! Не пошло. Тут и война началась...

М а т ь (*испуганно*). Как началась? Опять с немцами, что ли?

О т е ц. Да не с немцами... А с этими, с белыми.

М а т ь. Ну, которые за царя?

О т е ц. Ну да. С царскими генералами — Юденичем, Деникиным, Красновым... Да рази мало их, недовольных? А там солдаты и казаки...

М а т ь (*мотая шерсть*). Ох, горе-горе!.. Нам-то, хрестьянам, как быть? (*Поднимает глаза к небу*). Сам Господь, видать, на нас, грешных, шибко прогневался! Неладно

мы, людишки, стали жить... Ох, неладно... Разве нет? (*После паузы*). Вот Серёга со второй женой расстался. Ну, куды это годится? Там ведь сынок уже народился, у Зинки-то... Так ведь?

О т е ц. Ну да. Мальчонка. Константином назвали. В честь села нашего...

М а т ь. И этот, поди, некрещённый!.. (*Отец пожимает плечами*). И где он теперь жить-то собирается?

О т е ц. Кто? Сергей? (*Мать кивает*). Да вроде в Москве. Туда, бают, вся нынешняя большевистская власть из Питера-то перебралась. Москва нынче главный город!

Из соседней комнаты выходит Есенин. Босой, в распоясанной рубашке и штанах. Смотрит на родителей, мирно занимающихся немудрящим делом, усмехается.

Е с е н и н. Никак всё в единый клубок мотаете?.. Ладно да неспешно...

О т е ц (*понимает намёк*). Мотаем, да. Не в пример тебе!.. Жизнь, Сергуха, такая — или ты её мотаешь, или она тебя. А по-другому — никак.

Е с е н и н (*язвительно*). Вы-то наверняка думаете, что она меня закручивает?

М а т ь (*уловив суть перепалки, поддерживает мужа*). А рази нет, сынок? Погляди ты на себя — где ты только не обретался — и в Москве, и в Петебурхе, и на севере, и в Крым тебя каким-то ветром заносило, а что толку-то? (*Укоризненно*). Одну жену на другую поменял и со второй разбежался... Да рази это не путаница? Дети, когда вырастут, что скажут? Зинаида одна с двумя ребятишками осталась...

Е с е н и н (*бурчит*). Не одна она. За режиссёра Мейерхольда замуж вышла.

О т е ц (*солидно*). Мы вот мотаем её (*кивает себе на руки*), а после мать кому-то vareжки свяжет. Может, тебе, либо детям твоим... А от твоей мотни какой прок? Ну-ка, ответь!

Е с е н и н. Да ну вас к лешему, дорогие родители!.. Вам бы только нажива да прибыток... Завтра же уеду от вас!.. (*Уходит*).

М а т ь. Ох, бедный-бедный! (*Отставляет клубок, крестится*). Просвети и наставь его, мать — Царица небесная! Дай ему разумение твоё...

О т е ц (*соглашается*). Твоя, правда, мать! Как есть заблудилось чадо наше неразумное... Спаси и сохрани его, Господи!..

Сцена 8

Москва. Поздняя осень 1920 года. Гостиница «Яр». Вечер.

Есенин лежит в номере на диване, укрывшись пледом. Стук в дверь.

Е с е н и н. Да! Войдите!

Г о р о д е ц к и й (*входит, в пальто и кепи*). Привет, Сергуня! Наконец-то нашёл тебя. Пол-Москвы оббежал!..

Е с е н и н (*садится*). Здравствуй, тёзка! Рад тебя видеть. И позволь узнать — за каким бесом я тебе понадобился? С чего бы вдруг...

Г о р о д е ц к и й. Мне ты нужен всегда! (*Поднимает руки*). Но кроме меня, тебя желает видеть Большой театр!..

Е с е н и н (*недоумевая*). Кто-кто?! Большой театр?!.. Да ну! Я ведь не Шаляпин и не Собинов... Ты не путаешь, Сергуха?

Г о р о д е ц к и й. Не сам Большой театр, конечно, а народный комиссар просвещения товарищ Луначарский.

Е с е н и н (*недоверчиво*). Сам Луначарский? Зачем я ему?..

Г о р о д е ц к и й. Он самый... (*Поёживается*). А у тебя не жарко! Я, пожалуй, останусь в пальто.

Е с е н и н. Но Луначарский, как помню, назвал меня в печати «не крестьянином, а деревенским интеллигентом»... (*Смотрит на гостя*). Он хочет видеть меня в партуре или в царской ложе?..

Г о р о д е ц к и й. Он хочет видеть тебя на сцене как большого русского поэта!

Е с е н и н. На сцене?! Значит, я должен читать стихи?..

Г о р о д е ц к и й. Ну конечно! Не плясать же.

Е с е н и н (*в растерянности*). А какие?.. Идеино выдержанные или как?

Г о р о д е ц к и й. Он сказал — какие хочешь. На свой собственный вкус. (*Есенин раздумывает. Городецкий поясняет*). Ты будешь выступать в первом отделении, в самом начале. А потом выступит приглашённая американская танцовщица Айседора Дункан.

Е с е н и н. Как? Дункан? А кто она такая?

Г о р о д е ц к и й. Это, между прочим, знаменитая американская артистка, горячо симпатизирующая Советской России. Сам Луначарский познакомился с ней за границей и пригласил в Москву. Она тут же согласилась. (*Есенин размышляет*). Ну, что? Ты согласен? Согласен или нет?

Е с е н и н. Да разве тут откажешься? В кои-то веки русского поэта удостоивает вниманием сам Большой театр! До гордыни ли мне, грешному?

Г о р о д е ц к и й. Вот молодец! По такому случаю надо бы причаститься...

Е с е н и н (соглашается). А без этого никак...

Г о р о д е ц к и й. Сейчас я в буфет спущусь.

Е с е н и н. Погоди, и я с тобой.

Он встаёт с дивана, уже одетый, толкает ноги в туфли, и поэты уходят.

Сцена 9

Москва. Осень. Вечер, сцена Большого театра. Общий шум и гомон. Голос за сценой:

«Дорогие товарищи! Рабочие, солдаты и матросы!.. Сейчас перед вами выступит известный поэт Сергей Есенин. Большая просьба не курить, не сорить и не лугзгать семечки! Встречайте поэта!..» Выходит Есенин. Слегка кланяется.

Е с е н и н. Большинство из вас, товарищи, родились и выросли в деревне, подобно мне. Я последний поэт деревни, как часто говорят, и потому мои стихи посвящены моей милой и доброй родине... Читает:

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуше
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кушей
Золотую его дугу...

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров...

Голоса, аплодисменты, крики: «Молодец! Давай ещё! Ещё!.. Даёшь, Серёга!..»

Е с е н и н (*идёт навстречу просьбам*):

Гляну в поле, гляну в небо –
И в полях, и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край...

О, я верю – знать, на муки
Над пропащим мужиком –
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком...

Голоса: «Молодчага! Давай ещё, Серёга!.. Не жмись!.. Ещё!.. Жарь!..» Есенин смотрит за кулисы. Там, видимо, делают знак – хватит. Он быстро кланяется и уходит.

Недовольный гул перебивает голос ведущего: «А сейчас, дорогие товарищи, перед вами выступит знаменитая американская артистка – Айседора Дункан! Она очень любит нашу Советскую Россию! Встречайте её!..» Раздаются негромкие хлопки. И под первые аккорды Шестой симфонии Чайковского на сцене появляется гибкая, стройная женщина в греческой тунике и босиком. Вместо привычных «фуэте» и «антраша» она начинает исполнять волнующий, страстный, завораживающий танец, полный чувства и огня. Своей необычностью и темпераментом он настолько захватывает зрителей, что те невольно замирают в полнейшей тишине. Сколько она длится – не столь важно. Важно то, что публика, весьма далёкая от искусства, жадно впитывает его. А с последними звуками гениальной музыки исполнительница исчезает, словно видение. Зал гремит: «Браво! Бис!.. Даёшь мериканку!.. Даёшь!..»

После минутного шума концерт, как все тогдашние мероприятия, завершается куплетами «Интернационала». Гомон затихает.

Сцена 10

Появляются Есенин и Городецкий, о чем-то тихо переговариваясь.
Из противоположной кулисы выходит А. Дункан, в пальто и шляпке.

Г о р о д е ц к и й (*приподнимает кепи, кланяется, говоря на школьном английском*). Excuse me, miss Duncan! (*Кивает на приятеля*). The famous poet Sergey Esenin would like to meet you! He is completely delighted with your dance!

Д у н к а н. Really? (*Смотрит на поэта*). I am really pleased! I have about you, mr. Esenin... (*Протягивает ему руку*). And I am really glad to meet you!

Г о р о д е ц к и й (*приятелю*). Она слышала о тебе и рада познакомиться.

Есенин радостно улыбается.

Д у н к а н. Will you accompany me?

Г о р о д е ц к и й. Certainly darling!..

Сцена 11

Москва. Номер гостиницы «Националь». Поздний вечер. Есенин сидит у небольшого столика, на котором стоят цветы, графин с вином и две рюмки.

Горит настольная лампа. Появляется Дункан в греческой тунике и босиком.

Е с е н и н (*восхищённо*). О, Изадора!

Д у н к а н (*улыбается*). My name is Isadora!

Е с е н и н (*качает головой*). Ноу, Изадора!..

Она начинает свой знаменитый танец. Поэт в неопишемом восторге.

Протанцевав несколько минут, она вдруг садится к нему на колени.

Е с е н и н (*обнимает её*). Моя Изадора! Моя богиня...

Д у н к а н (*неловко повторяет*). Изадора! О, yes! Yes...

Есенин гасит лампу.

Сцена 12

Москва. Май 1922 года. Тушинский аэродром. Тарахтенье самолетных двигателей.

Появляется Есенин под руку с Дункан, с ними Городецкий.

Д у н к а н (*Городецкому*). Now we flight to Konigsberg and then to Berlin by train of there.

Г о р о д е ц к и й (*Есенину*). Сергей, по-моему – это первый международный авиарейс. Ты не боишься?

Е с е н и н. А чего бояться? (*Кивает на спутницу*). Ей это не впервой, а я храбрюсь, на неё глядя. Какой русский убоится высокого полёта?

Г о р о д е ц к и й. Ну, молодец! Давай, пиши, не забывай земляков! (*Обнимаются*).

Д у н к а н (*подаёт руку Городецкому*). Good bye, Serge! I am really pleased to got guanine with you. Hope that we see each other soon!

Гул самолёта нарастает.

Е с е н и н. Изадора, поспешим! А то он улетит без нас!

Д у н к а н (*непонимающе*). What?

Г о р о д е ц к и й. He is rushing you... (*Есенину*). Серёга, как вы друг друга понимаете? Сам чёрт вас не разберёт!..

Е с е н и н. А вот как!

Хватает подругу за руку и увлекает за собой.

Они убегают. Городецкий качает головой, слушая гул улетающего самолёта.

Сцена 13

Константиново. Лето 1923 года. День. Дом Есениных.

За столом сидят родители поэта. Отец перебирает стопку газет, мать слушает.

О т е ц (*читает*). Поэт Сергей Есенин, приехав в Берлин, остановился в гостинице... (*запинается*) «Адлон» на главной улице немецкой столицы и дал... (*вновь запинается*) ин-тер-вью многочисленным журналистам...

М а т ь. Чего он им дал?

О т е ц. Да видать, чего-то важное... (*Размышляет вслух*). Может, ему в Москве это дали, чтобы там, мол, передать... За границей...

М а т ь. Наверно, не мелочь какую... (*С ехидцей смотрит на мужа*). А ты его всегда попрекал – бросай, дескать, свои стишки-то сочинять. На них, мол, шиш заработа-

ешь! А что вышло?

О т е ц (*виновато вздыхает, машет рукой и читает дальше*). Семнадцатого мая того же года поэт встретился с Максимом Горьким на квартире писателя Алексея Толстого... (*Качает головой*). Фу ты, ну ты! Эк куда наш Серёга-то взлетел! (*Читает*). Вместе с поэтом была его жена — знаменитая актриса... (*запинается*) Ай-се-до-ра Дун-кан... Встреча была искренней и тёплой...

М а т ь (*изумлённо*). Да неужто он — охальник — снова женился?!

О т е ц (*повторяет*). Его жена Ай-се-до-ра Дун-кан... Женился, значит.

М а т ь. Как? Долган? Она нерусская, что ли? Ему-то она для чего?

О т е ц. Да кто их разберёт? Эти поэты да артисты всегда чего-нибудь намудрят и выкинут чего похлеще. Вот и наш Сергуха туда же...

М а т ь. Ох, сынок-сынок! Головушка твоя непутёвая! (*Мужу*). Ну, чего там ещё пишут? Кого он там ещё встречал-привечал?

О т е ц. Совершив поездку по Германии, Бельгии, Франции, Италии, на пароходе «Париж» Сергей Есенин, вместе с женой, приплыл на её родину, в Америку...

М а т ь. Куды-куды он приплыл?

О т е ц. В Америку, стало быть.

М а т ь (*потрясённо вздыхает*). Значит, мы его никогда не увидим! О, Господи, Боже мой! Спаси и сохрани! (*Крестится, отирает концом платка глаза*).

О т е ц. Да погоди ты! Слушай. (*Читает*). Четыре месяца поэт пробыл в Америке и посетил все крупные города, в которых Дун-кан давала концерты...

М а т ь. А чего она давала-то? Кому и зачем? Не пойму я...

О т е ц (*снисходительно*). Ну, выступала то есть.

М а т ь. Пела, что ли?

О т е ц. Нет, танцевала.

М а т ь. Плясала, значит. И Серёга вместе с ней? На гармошке, поди, играл. Он, охальник, это умеет.

О т е ц. Нет. Она одна пляшет.

М а т ь. Ох, беда-беда! И люди за это деньги платят? Анька, первая жена, в типографии работала. Зинка — на машинке стучала. А эта — Долган — на людях скачет! (*Смотрит на мужа*). О-хо-хо! Не везёт сынку нашему! И чего он в этой Америке забыл?

Хлопает дверь, вбегает Катя с газетами в руках.

К а т я. Мама! Отец! Сергей домой едет!

О т е ц. Да ну?! Не может быть!

М а т ь. Наконец-то! (*Крестится*). Спасибо тебе, Господи, что внял моим молитвам! Сколь можно по земле-то скитаться? Чай, пора бы уж и покой обрести... Он едет суды с этой? С плясуньей?

К а т я (*смотрит газету*). Ну да. Из Америки они приплыли на пароходе во Францию, а оттуда едут в Москву.

О т е ц. А ну, дай её... (*Взяв газету из рук дочери, читает*). Из Франции Есенин прибудет в Германию, а затем возвратится в Советскую Россию. В СССР... (*Пожимает плечами*). Про жену ничего тут не пишут...

М а т ь. Да Бог с ней, с женой! Серёженьку моего поскорее бы увидеть да обнять бы его! Больше радости и не чаю...

Сцена 14

Москва. Весна 1925 года. Квартира, точнее, комната Городецкого. Вечер. За скромным столом сидят гости — молодые поэты и молодая женщина Софья Толстая.

Г о р о д е ц к и й. Дело, друзья, в том, что он и сам никак не ожидал, что будет так тосковать по родине. И говорит, что за границей всё другое: и солнце, и луна, и даже небо... Представляете? Я готов ему верить. В мою бытность за рубежом я чувствовал то же самое. И никуда от этого не денешься. Вот так...

О д и н и з п о э т о в. А я помню, накануне отъезда он писал: «Да! Теперь решено без возврата. Я покинул родные поля». (*Усмехается*). А во Франции, Германии, Америке вдруг затосковал об этих полях! Ну, не блажь ли?

Д р у г о й п о э т. Это не блажь, болезнь... Ностальгией называется.

Т р е т и й п о э т. Слово-то какое красивое! Даже слух ласкает: нос-таль-гия... Женское имя прямо — Анас-та-сия! (*Смотрит на женщину*).

Т о л с т а я. Меня зовут Софьей, между прочим.

Г о р о д е ц к и й. Софья — значит мудрость. Вот так-то, милые друзья!

С о ф ь я. А почему его в газетах называют «попутчиком»?

Г о р о д е ц к и й. Это Троцкий с Бухариным на Сергея ополчились. С классовых, так сказать, позиций. Они считают, что поэт, пишущий о деревне, в душе ярый соб-

стенник, почти кулак. На худой случай — подкулачник.

Первый поэт (*громко*). А истинным героем поэзии должен быть пролетарий! Городецкий. Именно так. Но Есенин слишком привязан к земле, к отчому дому.

Ну, что тут поделаешь? Деревня — его родина...

Софья. И что в этом плохого? Я тоже люблю свою родину.

Второй поэт (*со скрытой иронией*). Ясную Поляну?

Софья. Простите, но это имение моего деда — Льва Николаевича Толстого. Я его не покупала...

Третий поэт. Ему повезло, что он стал «Зеркалом русской революции»...

Софья (*усмехается*). Скорей, уж повезло мне. Как ни крути, а я — бывшая графиня. Совсем не пролетарский элемент...

Городецкий (*смотрит на карманные часы*). Сергея что-то нет, а обещал быть.

Первый поэт. Он расстался с этой американкой? С Айседорой.

Городецкий. Конечно, расстался. По-другому и быть не могло. Жизнь есть жизнь. В ней свои неписанные, суровые законы...

Софья. Законы? Сергей Митрофанович, вы о чём? Они же любили друг друга! При чём здесь какие-то законы? Я не понимаю.

Городецкий. И всё же, дорогая, они есть. Во-первых, они оба — слишком разные люди. Ну, в смысле языка и культуры. Он — русский, она — американка. И опять же — причина в возрасте. Она всё-таки на семнадцать лет его старше...

Софья. Но брак у них был настоящий?

Городецкий. Ну да. Они даже зарегистрировались. Она взяла его фамилию и стала Айседора Есенина. И, кстати, очень годилась этим.

Первый поэт. А его беспробудные знаменитые запои и драки?

Городецкий. Ну, не надо! С ней он не пил... (*Стук двери*). Да! Войдите.

Входит Есенин. В пальто и кепи. Все наперебой: «Сергей Александрович! Серёга, привет! Наконец-то! Ура!..» Поэт пожимает протянутые руки.

Городецкий (*представляет ему молодую гостью*). Серёжа, познакомься: Софья Толстая!

Есенин. Очень приятно! Я слышал о вас... Вы — внучка Льва Николаевича?

Софья (*улыбается*). Так уж случилось. Я в этом не виновата...

Есенин (*тоже улыбается*). Но случилось прекрасно! И творцам такого случая не за что краснеть... (*Все гружно смеются*).

Городецкий. Друзья! Давайте всё это отметим! Когда мы ещё соберёмся такой замечательной кампанией? Надо пользоваться случаем...

Есенин снимает пальто и кепи. Усаживается за стол рядом с женщиной.

Хозяин разливает вино по стаканам.

Софья. Тогда давайте тост. За что будем пить?

Есенин. За нашу родную землю-матушку! Поверьте мне — ничем она не хуже всех, трижды воспетых, заграничных прелестей. Я понял это на собственной... (*чуть запинаясь*) шкуре.

Городецкий. А что там за история случилась у тебя с Маяковским, когда вы на днях выступали в Политехническом музее? Москва слухами полнится...

Есенин. Меня туда пригласили на вечер поэтов, а Володя уже влез на сцену. Набрал воздуха в грудь. А все орут: «Есенина! Есенина давай!» А я в ответ говорю: «Тогда уберите Володьку!» Маяковского тут же стащили, и я стал читать.

Софья (*со жгучим интересом*). И что вы читали?

Есенин (*смотрит на неё*). «Дорогая, сядем рядом, поглядим в глаза друг другу. Я хочу под кротким взглядом слушать чувственную вьюгу...» Ну и далее по тексту.

Софья (*подхватывает*). «Это золото осеннее, эта прядь волос белесых — всё явилось, как спасение беспокойного повесы...»

Есенин. Вы это знаете наизусть? Надо же! Откуда?

Софья. А очень просто — ваши стихи расходятся в списках. И я — одна из почетелей, так уж случилось...

Один из поэтов. А наши критики пишут, что стихи ваши упадочнические, чуждые пролетарскому духу. Они не зовут молодёжь к борьбе за светлое будущее. Не мобилизуют нас на борьбу с язвами капитализма...

Есенин. Но что делать? Я уже не могу «задрать штаны, бежать за комсомолом». Да и годы уже не те.

Софья. Простите, а сколько вам?

Есенин. Уже тридцать. Вполне почтенный возраст.

Софья. Мой дед в ваши годы ещё не был женат... (*Смотрит на ручные часики*). Мне пора. Позвольте откланяться, дорогие товарищи!

Городецкий. Соня! Мне, право, неловко... (*Просяще оглядывает гостей*).

Есенин. Если вы позволите, я вас провожу.

Софья согласно кивает. Оба одеваются и выходят. Минуту царит тишина.

Один из поэтов. На наших глазах случилось невероятное — графиня ушла с мужиком!..

Другой поэт. Женщина есть женщина! Будем же снисходительны: их прельщает всё, выходящее из ряда вон...

Гордецкый. Да ладно вам, ребята! Не завидуйте. *(Разливает остатки вина).* Давайте выпьем за поэзию! Куда нам без неё? Вы согласны?

Сцена 15

Москва. Лето 1925 года. Раннее утро. Квартира Толстых в Хамовниках.

Софья и Есенин заканчивают чаепитие.

Есенин *(оставив чашку)*. Спасибо, дорогая! Всё было прекрасно. Лучше не бывает. Кстати, а Лев Николаевич что предпочитал? Чай или кофе?

Софья. Я этого не помню. Но, по-моему, он любил всё русское. Чай ведь русский напиток?

Есенин. Говорят, что когда-то был китайским.

Софья. Ах, да... Конечно, китайский! Заграничный. Но русским он как-то лёг на душу... *(Вспоминает)*. Хотя дед мой совсем не любил заграницу. В Китае он, правда, не бывал, но Европу своей привязанностью вовсе не жаловал. Здесь вы с ним похожи.

Есенин. Хорошо, хотя бы в этом... *(Встаёт)*. Ладно. Мне пора.

Софья *(не очень уверенно)*. Мне тебя ждать? Скажи, ты чем-то недоволен?

Есенин. Нет. Скорее, просто устал.

Софья *(натянуто улыбаясь)*. Устал от меня?

Есенин *(через паузу)*. Нет. Скорее, от жизни.

Софья *(встревоженно)*. Устал от жизни?!..

Есенин *(усмехаясь)*. Да. Но не пугайся. Может, это минутная слабость. Не знаю. Врать не стану... Возможно, я уеду...

Софья *(берёт себя в руки)*. Уедешь? Куда? В Ленинград?

Есенин *(в раздумье)*. Нет, скорее в Грузию. Хочу встретиться с тамошними поэтами. Соскучился я по ним.

Софья *(обескураженно)*. А у меня, между прочим, лежат твои рукописи...

Есенин. Пусть полежат. Я ещё к ним вернусь...

Кивает, направляется к выходу. Она идёт следом. Через минуту Софья возвращается, бережно берёт в руки исписанный лист бумаги, читает...

Звучит голос Есенина:

Жизнь — обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе.

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь — стезя.
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменят легкие друзья.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил — забыли про меня.

Но и все ж, тесным и гонимым,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю...

Занавес